

О любви

триптих

С. Подзолков

Дитя Любви

(триптих)

2009

Содержание

Первая встреча.....	3
Вторая встреча.....	9
Третья встреча.....	14
Эпилог.....	19

Триптих – композиция из трех барельефов, рисунков, картин и др., объединенных одной идеей. Так трактуется понятие «триптих» в энциклопедическом словаре.

Рассказы этого сборника внешне принципиально отличаются друг от друга, но в них, помимо самостоятельных основных героев, есть объединяющий их герой «за кадром» – Любовь.

Конечно, любое литературное произведение с некоторой натяжкой или без оной обязательно говорит о любви. Но в данном случае речь идет не просто о любви с большой буквы, а о ее самостоятельном существовании, о всеобъемлющей ипостаси любви.

Это не быль, но и не фантастика. Я затрудняюсь определить жанр, но в конечном итоге это не важно.

Читателя прошу лишь об одном – сделать минутную паузу между рассказами, дабы подготовить свое сознание и чувства к новому восприятию.

Автор

Первая встреча

Больной с трудом встал со стула и, держа в правой руке направление на кварц, больничный лист и несколько рецептов, потихоньку заковылял к двери. Придерживая левой рукой поясницу, кое-как развернулся, попрощался и скрылся в коридоре.

Она машинально ответила, продолжая размашисто заполнять медицинскую карту. Строчки не входили на страницу, загибались вправо вниз, отчего казалось, что на краю их сдувает ветром.

На вид ей было лет 35-38. Определить точнее возраст женщины в это время практически невозможно. Её светлые, скорее всего крашенные волосы были спрятаны под идеально отутюженную белоснежную медицинскую шапочку. Но одна прядь выбивалась и упрямо покачивалась в такт письму.

Она не была ни толстой, ни пышной, но плотненькой и очень приятной. На груди, на золотой цепочке висел кулон с изумрудом, в ушах поблескивали маленькие зеленые камушки, явно из комплекта. Всё это в целом выглядело очень уместно и достойно. На среднем пальце правой руки невзрачный на вид перстенок с тремя микроскопическими капельками, изредка вспыхивающими в свете настольной лампы.

Она была привлекательна и даже красива, но сейчас очень устала. Прием заканчивался, а в коридоре сидели еще как минимум трое больных. Наконец, Она поставила точку, закрыла карточку и отбросила в кучу под лампу. Вообще-то на столе был порядок, ничего лишнего. Справа – вечный молоточек невропатолога, иголка от шприца, градусник, какие-то мелочи, зато весь левый угол завален медицинскими картами.

Прямо перед ней за соседним столом обычно сидела Евгения Кузьминична. Опытная медсестра, старше лет на 15. Она разбирала карточки, клеивала дополнительные листы, выписывала рецепты и сильно облегчала жизнь обеим, но сейчас она была в соседней малюсенькой комнатке, где на кушетке отлеживался неожиданно закружившийся больной.

Прежде чем вызвать следующего, Она закрыла глаза и зажала лицо в ладошках. Приятное тепло рук постепенно разгоняло усталость, и когда она убрала ладони, в серых глазах появилось что-то острое и пронизывающее. Теперь Она была готова и включила над дверью кабинета табличку – свободно.

Вот уже 5 лет Она ведет прием в центральной городской поликлинике. Стать врачом мечтала с детства – в школе в седьмом классе влюбилась в восьмиклассника. Он делал крест Азаряна, долго держал угол и выступал за школьную сборную по волейболу, а когда сорвался с брусьев и сломал ногу, она твердо решила – станет врачом. Но любовь закончилась, когда случайно услышала, как он обсуждал с друзьями девчонок, в том числе говорил и о ней. Страшно матерился и утверждал, что у девок не сиськи, а прыщики, как на морде, и при этом дико ржал.

Она не долго плакала. Второй раз влюбилась в институте на первом курсе.

Собственно говоря, заставили соседки по комнате. Первое время ей удавалось делать вид, что она опытная и много повидавшая, но Любка с кровати напротив раскусила ее, и подруги бросили все свои силы на исправление «ошибок молодости».

Павел с третьего курса, гордо называвший себя «Де Флористом», без особого нажима согласился. Она в ужасе провела бессонную ночь ожидая свидания. Но Павел оказался садистом: ласкал до полуночи, довел до абсолютного бессилия и оставил одну. На следующий день все повторилось. А после третьего раза Она безумно желала, чтобы он поскорее пришел и снова, и снова ее целовал.

В конце недели он выполнил задачу, после чего забежал лишь раз. В институте радостно улыбался, спрашивал как дела, но больше не заходил, а она почти месяц ждала и надеялась, по ночам тихонько скулила, пряча от подружек слезы в подушку и мечтала.

Потом наступила сессия, стало некогда, да и главное, что сделал будущий медик – обезопасил себя и ее. Она не забеременела, жила дальше счастливо и на третьем курсе встретила настоящую любовь – просто и банально. Летела на троллейбусную остановку и за углом врзалась в Алексея. На тротуар полетели конфеты и апельсины. Троллейбус тронулся, бежать было бесполезно, и она присела помочь. Ее коротенькая юбочка взметнулась, и перед ним мелькнули белые кружевные трусики. Он мгновенно потерял ориентацию, судорожно пытался что-то собирать, но лишь пачкал конфеты и еще дальше раскатывал апельсины.

Она улыбнулась, решила, что с него достаточно, и выпрямила колени, продолжая наклонившись помогать, чем окончательно его и добила – под кофточкой прямо перед его глазами замаячили две восхитительные груди. Когда Она сообразила, что поменяла «шило на мыло», немедленно разогнулась, рассмеялась, но он был уже готов. Через три месяца они поженились.

Это были ужасные годы. Четыре года института и три ординатуры закончились как раз перед школой старшего. Изумрудный кулон Алексей подарил на первенца, а через три года перстень с крохотными алмазами на второго.

Жили они, почти не ругаясь. Она искренне его любила, никогда не изменяла и каждый вечер спешила домой, чтобы накормить своего Алешку. Вчера они полночи барахтались в постели, и Она в очередной раз дошла до восхитительного блаженства, а он утром уехал в командировку почти на три недели. Специально подгадал на поезд в пятницу, чтобы субботу и воскресенье провалиться в вагоне, отоспаться, а заодно заработать отгулы.

Она на секунду вспомнила прошлую ночь и глянула на открывающуюся дверь.

Вошел крепкий, высокий мужчина, всем своим видом показывая, что он совершенно здоров. На первый взгляд ему было немного за сорок. Жесткие, черные, слегка вьющиеся волосы складывались в короткую естественную стрижку. Чем ближе он подходил, тем ярственнее сияли голубовато-серые глаза, не очень-то согласующиеся со смуглым жестким обветренным лицом. Глаза бы ему пошли скорее карие, с темными зелеными точечками.

– Здравствуйте, – приятно улыбнулся Он и мгновенно оценил симпатичную врачу: пошел гоголем, глаза заискрились, спина выпрямилась – весь на изготовку.

Врачиха была другая. Не та, что давала больничный, понятно, суббота, видимо дежурила.

Вообще-то Он никогда не был скромнягой. Рано лишившись отца, сам отстаивал право во дворе быть самым сильным и самым первым. После восьмого класса ушел в автодорожный техникум и сейчас работал шофером мощного экскаватора на бокситах.

Первый «любовный» опыт приобрел, познакомившись на танцах с девчонками. Не помнил, ни как зовут, ни где живут: был пьяный. Женился рано на дочери маминой подруги. Жена оказалась складная, добрая, родила двух девок. Младшая дочка оканчивала школу, старшая – институт. В отпуск всегда ездил с друзьями в горы или по рекам. Дочерей любил, но никогда с собой не брал.

К женщинам не привязывался, но случая сблизиться никогда не упускал. В командировках, а они случались не реже двух раз в год, легко заводил романы и легко забывал о них. О любви не говорил, да и не спрашивал. Его вполне удовлетворяло то, что жена Его любит, и Он великодушно позволял любить Себя.

– Здравствуйте. Ваша фамилия? Как себя чувствуете? – устало спросила Она и подняла на него глаза. Ничего не предвещало грозы. Всё было как обычно. Обычный больной, обычная болячка. Она раскрыла карточку – невралгия.

К этому моменту Он уже успел подойти к стулу и взялся за его спинку, чтобы сесть, но встретив Ее глаза, замер...

Он чувствовал себя неуютно под Ее взглядом. Тем не менее, сам пристально разглядывал Ее и сделал окончательный вывод – хороша! Мысль о возможной близости, о

свиданиях, тайных встречах мелькнула, но ее неожиданно перебило странное ощущение, что Он с Ней уже знаком, и это мешало начать флирт. Хотя это скорее было не ощущение, а почти уверенность.

Да! Кажется, Он Ее действительно знал. Нет, опять не то! Еще точнее – не просто знал, а знал, что Она создана именно для Него! Эта странная мысль потрясла его совершенной глупостью и точностью одновременно.

Пауза затянулась. Он решил, было, сесть, но не смог. Руки, ноги и все тело будто оцепенели. «Странно! – мелькнула, мысль. – Гипноз, что ли?» Он пошевелил пальцем, сжал спинку стула. Руки слушались, но как-то странно. Некоторые движения сделать удавалось, но не все. «Вот, зараза! – возмутился он. – Зачем Ей это нужно? Ведь точно гипноз. А может, это и не она? Что я ел? Что я пил? Что за чёрт!»

Раздражение от непонимания рождало поток мыслей-вопросов, не имевших ответа. Мысли цеплялись, рвались, улетали, но вопрос оставался, и он же не давал сосредоточиться.

...Но всё-таки, Она была хороша.

Она же изумленно смотрела в Его глаза. Что-то это напоминало. Ну, конечно! Так смотрел на нее будущий муж, вернее на ее ноги, пытаясь собирать апельсины. Она автоматически убедилась, что пуговка на груди застегнута, прическа в порядке, но лишь когда попыталась поправить юбку – поняла, что глазами не сопровождает движение руки. Вернее не так. Она видит руку, видит юбку, но как-то сбоку, потому что по-прежнему не отрывает от Него глаз. Не может оторвать. «Как его глаза не вяжутся с обликом», – мимоходом отметила Она и тоже решила прекратить паузу, но тут с Его глазами и лицом стали происходить страшные вещи.

Его раздражение от невозможности управлять своим телом не проходило. Более того, откуда-то из глубины живота, из копчика, из доселе неведомых уголков организма поднимался холодный ужас. Поднимался медленно и страшно, проползая вдоль спины, замораживая и покрывая холодным липким потом все на своем пути. Чем выше он забирался, тем скорее было его скольжение и тем сильнее становился необъяснимый, дикий, животный страх. Добравшись до плеч, ужас мчался уже с огромной скоростью и в доли секунды охватил плечи, шею и голову. Волосы на спине и загривке встали дыбом, кожа на голове съежилась и зашевелилась. Верхняя губа изогнулась по краям и, задергавшись, приподнялась, обнажив крепкие зубы. Из глаз потекли слезы, и утробный рык готов был вырваться наружу.

Она видела: что-то не так. Пыталась спросить, помочь, но ничего не получалось. Руки бесполезно перебирали на столе молоточек и иглу, то поправляли локон, то юбку, то кулон, но сделать Она ничего не могла – глаза в глаза и всё!

Собрав весь свой медицинский опыт, стремясь не поддаться летящему от Него паническому ужасу, Она автоматически анализировала происходящее. Изучала, но не понимала причин: «Сегодня не полнолуние, он здоровый нормальный мужчина, похоже, с хорошими правильными рефлексам. С чем он приходил? С межреберной невралгией? Ерунда. Такого слона дробинкой не прошибешь. Так что же происходит?»

То, что Она видела, не поддавалось разумному объяснению. Она старалась соображать более детально и последовательно, но Ей тоже стало страшно.

Конечно, Ее страх был просто ничтожен по сравнению с Его ужасом. Легким ветерком он пронесся снизу вверх и растворился в бесконечности. А Она с каждым мгновением всё яснее понимала то, что Он понял еще минуту назад.

Он был создан для Нее! Он – это Ее судьба!

Это бредовое утверждение никак не зависело от ее желания или нежелания. Просто оно возникло и крепло. Кто Он? Почему Он? Зачем Он? – таких вопросов не было. Была только одна мысль – это Он! И было желание помочь ему, быть ближе к нему и желание это становилось все сильнее и сильнее.

А Он слабел. Напряжение спадало. Вопль, так и не вырвавшийся из его груди, стал

угасать. Движение снизу вверх продолжалось, унося страх, ужас и невероятное состояние. Всё улетало вверх за пределы сознания.

Он по-прежнему смотрел Ей в глаза, не в силах оторваться, и вдруг, каким-то внутренним зрением увидел, что у Него в груди, в самой середине, там, где, наверное, должно было быть сердце, загорелся желтый, нет, не желтый, а золотой огонек. Огонёк разрастался и превращался в шар, излучающий иголки света.

Она тоже увидела в Его груди огонек. Странное это было ощущение: как будто две полупрозрачные фотографии наложили одна на другую. На одной был Он, а на другой маленькое золотое солнышко, растущее с каждой минутой. Через некоторое время огонек стал напоминать маленького свернувшегося клубком ежика, у которого вместо колючек были тоненькие-тоненькие лучики, отливавшие на остриях фиолетовыми блёстками и разноцветно переливавшиеся по всей длине. Увиденное было настолько явным и невероятным, что появилось беспокойство о своем рассудке.

«Может, я схожу с ума? Может быть, бессонная ночь наслаждений? (Хотя, пусть не часто, но и раньше такое бывал.) А может, газ? Очень может быть, – ответила сама себе и уточнила, – скорее всего, галлюциноген. Видимо, он притащил, чтобы меня «трахнуть», – грубо додумала Она». И уже почти смирившись с этой идиотской мыслью, Она изумленно увидела, что и у нее в груди растет такой же шар. При этом Она по-прежнему смотрела Ему в глаза, но видела оба шара одновременно.

Он, освободившись от ужаса, стал соображать спокойнее. Снова увидел и оценил Ее женскую красоту. Понимал, что между ними пропасть и курортного романа не получится. Но это почему-то его не трогало, удивляло другое. Он испытывал новое чувство, не чувство гордого собственника чужой женщины, как это обычно бывало, а радость всецелого желания Ей подчиниться. Он уже видел оба шара, но не удивлялся их появлению. После перенесенного потрясения, это были мелочи. Оба шара росли, и с их ростом радость подчинения возрастала. Микроскопическая мыслишка, что все это гипноз, иногда еще проскакивала, но не задерживалась – места ей не было. Наконец, радость стала настолько сильной, что желание и потребность приблизиться, прижать, приласкать вывели его из оцепенения, и Он сделал первое легкое движение к Ней, но тут же остановил себя, не зная, как отреагирует Она.

Она, ощутив Его порыв, неожиданно для себя ответила тем же, и к обоим пришло внутреннее понимание неизбежности сумасшедшего желания слиться. Дальше все произошло мгновенно. Она стремительно встала, Он сделал шаг, и Они прижались друг к другу с такой силой, что стало невозможно дышать. Но Они не обращали внимания и порывисто, судорожно вдыхая, гладили и целовали друг друга. Ее шапочка сползла, волосы выпали и разлились по Его рукам. Он нежно перебирал локоны, гладил и ярко, точно, как по слогам мысленно произнес:

– Я люблю тебя. – Она, задышавшись, прошептала:

– Я тоже.

– Что? – Удивился Он, и в ту же секунду Оба поняли, что слышат друг друга без слов.

Она стала, не дожидаясь ответа без конца мысленно повторять:

– Люблю, люблю, люблю, – и радостно слышала в ответ шелестящий бас:

– Люблю, люблю, люблю!

Так продолжалось целую вечность. Время остановилось.

Наконец, первый порыв стих, и они смогли на короткое время задуматься. Теперь Они думали и слышали вдвоем, и мыслей-подозрений не стало. Им стало ясно, что они оба ни при чем, и оба не понимают в чем дело. Оба бесконечно удивлены, но оба безмерно счастливы.

Он думал, что впервые держит в руках прекрасную женщину, но ничего в нем не предвещает и, что гораздо важнее, даже не желает с ней другой близости. То, что происходило сейчас, было сильнее и выше всего того, что когда-либо с ним происходило. Он понимал, что Она слышит эти его мысли. Ему было немного стыдно, но он «слышал», как Она улыбается, слушая их. Она же понимала, что столкнулась с чем-то таким, чего в

институте не изучали.

Они чуть отстранились, дыхание наладилось, и они стали вместе наблюдать, как растут огни в их груди.

Евгения Кузьминична, не понимая, почему в кабинете тишина, выглянула из комнаты и, увидев обнявшихся, с удивлением оперлась на косяк.

Два огромных ярких шара в их груди светились и двигались как живые. Во всяком случае, так ей казалось, потому что от них исходило тепло, радость, уют и еще бог знает что. Они хоть и были внутри, но существовали явно самостоятельно.

Евгения Кузьминична, потеряв всякое понимание происходящего, медленно съехала на пол и осталась сидеть не отрывая глаз, благо больной за стенкой после укола уснул, и помощь ему пока была не нужна.

Шары тем временем вышли за телесные оболочки и как только коснулись друг друга, Он понял всё.

Он теперь не только слышал и понимал, о чем Она думает, Он знал всю ее жизнь с момента рождения, иногда неприглядную, но такую родную, свою, милую и любимую. Видел, что мысли о муже, которые время от времени пытались вернуть ее к действительности, ей только мешали. Она отбрасывала их. Он видел ее маленькую, грустно стоящую перед зеркалом и разглядывающую свою едва набухшую грудь. Видел, как Пашка – третьекурсник доводил ее до бесчувствия. Видел, но всё это было в стороне и неважно. Теперь Они оба знали, что любили друг друга с детства, с пеленок, а может и раньше.

Она видела, как мальчишки, спрятавшись за сараем, приспустив штаны, мерялись своим будущим достоинством, пытаясь выглядеть больше и старше, и Он старался всех победить. Она видела Его случайных женщин из командировочных романов и воочию видела жену, кстати, весьма еще привлекательную женщину, но Ее это тоже не волновало. Она любила Его всегда и навсегда!

Шары продолжали притягиваться с такой силой, что сплющились и сбоку были похожи на висящую вертикально летающую тарелку или, скорее, на две глубокие тарелки, слепленные меж собой. Евгения Кузьминична слегка оправившись от шока, приподнялась с пола, чтобы встать, и как раз в этот момент произошел взрыв.

Взрыв, удар, вспышка, молния, треск... Нет такого слова, которое могло бы описать состояние, при котором от нарастающего давления шары абсолютно бесшумно лопнули и слились в один ярко-белый полупрозрачный, ослепительный огонь.

Евгения Кузьминична вскрикнула и зажмурилась, но свет проникал даже через закрытые веки, тогда она довольно резво поднялась и скрылась в комнатке. Больной по-прежнему спал. Она на всякий случай перекрестилась и присела на кушетку в полной прострации.

На этот раз любовь нахлынула с такой мощью и силой, что Они снова, несмотря на усталость, сдавили друг друга в объятиях и растворились в любви без остатка. Теперь их стало Трое в одном. Он понимал, что Он – это Она. А Она знала, что Она – это Он. Но был еще третий. Они физически ощущали его присутствие. Это была Любовь. Любовь существовала самостоятельно без них и вне их, но Они растворялись в ней. Никогда, никогда в жизни не испытывали они ничего подобного.

Шар стал быстро уменьшаться. Из бело-серебряного становился золотистым, прозрачным и быстро двигался в Ее сторону. Став совсем маленьким, ушел в Ее грудь, опустился вниз живота и исчез.

Наступил финал. Оба расслабленные, невероятно счастливые, опустились на свои стулья и всё еще влюбленно смотрели друг другу в глаза.

Время шло. Она перестала слышать Его, но его бестелесный звук, шелест, продолжал существовать в другой ипостаси. Она поняла, что беременна. Как кошка, гулявшая три дня, возвращается домой с чувством выполненного долга, абсолютно уверенная укладывается спать и больше на улицу не спешит, утробным рычанием отгоняя все еще надеющихся котов.

Так и Она, умиротворенная и спокойная, знала: «Я беременна». Мозг еще не отошел

от буйства, не мог сопротивляться и не мог утверждать, что этого не может быть. И все-таки сознание постепенно возвращалось. Возвращался муж, обручальное кольцо вновь попало на свое законное место, а рядом на стуле проявлялся чужой, незнакомый мужчина.

Она вновь поправила раскрывшийся на груди халат, подняла шапочку, подобрала волосы. Кончики ушей порозовели, и щеки залил румянец, когда Она стала понимать, что тут вытворяла.

«Странно, – думал Он, – почему ничего во мне не шевельнулось? Я ж не импотент?» Он вновь посмотрел на нее. Любовь таяла. Обрывки предыдущего состояния еще налетали, но он видел Ее уже совсем другой. Шапочка, волосы, серьги, кулон, грудь, колени... вновь по накатанному пути пробежался он. Мысленно заглянул под халат и констатировал: «Прекрасна». Прислушался к себе, с удовлетворением отметил, что все в порядке – удостоверился в своей значимости и только тогда дал себе возможность подумать о том, что же это было, и понял другое – Он стал иным. Пусть чуть-чуть, но не таким циником и нахалом, а может, стал и добрей, и честней.

Она немного успокоилась и с трудом произнесла: «Я вас выписываю, процедуры не прекращайте, долечитесь до конца, – и подписала больничный лист. – Поставьте печать в регистратуре».

Он взял лист, спокойно поблагодарил, легко поднялся и пошел к выходу. Обернувшись у двери, попрощался и исчез навсегда.

Она ни о чем не могла думать и молчала, пока в кабинет не постучали и в приоткрытую дверь не проникла взлохмаченная голова парня:

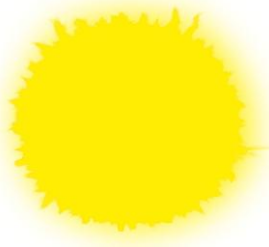
– Можно?

– Заходи. Фамилия? – уже почти спокойно спросила она...

Все закончилось. Остались только: совершенно мокрая спина да абсолютная уверенность в том, что в ней зародилась новая Жизнь.

Огромный грузовик вылетел на красный свет и на полной скорости врезался в бок автобуса, где у окна сидела Она с трехлетним сыном, который постоянно вертелся, показывая пальцем в окно на проезжавшие машины и радостно восклицал: «Есё масина».

Мало кто видел, как из раскоряченного автобуса в небо вылетело золотисто-белое облачко, поднялось высоко в небо, стало расширяться и, медленно опускаясь, обняло всю землю тонким серебристым покрывалом, издающим нежный, чуть слышный, мелодичный звон.

Вторая встреча

Женька стоял высокий, сильный и гордый.

Девчонка, которую они втроем затащили в подвал, чтобы изнасиловать, сидела на земле, крепко обхватив колени руками. Как загнанный зверек, она дрожала, но пыталась что-то сказать. Зубы стучали, язык не слушался, и понять, что она бормочет, было невозможно. Похоже, она пыталась произнести: н-н-не н-н-ад-д-до.

«Я гений! – мысленно воскликнул Женька, – я придумал, организовал и выполнил эту сложнейшую операцию, правда, с этими двумя уродами, но я это сделал! Йес! – со всей силы бросил он вниз правую руку, и холодная, гордая улыбка застыла гримасой на его лице. – Я смог!»

Женька перевел взгляд на Чека. «Чек» – Чекалин Сашка – сидел, по-турецки поджав ноги, и жрал торт, который они отобрали у девчонки. Сорвав бечевку и разорвав коробку, он двумя пальцами залезал в торт, после чего протягивал приличный кусок девчонке, как будто приглашая съесть, но потом с гаденьким выражением лица быстро запихивал кусок себе в рот и смачно рассасывал сладкий масляный бисквит, вытирая пальцы о коробку. При этом на его роже появлялось радостное выражение идиота.

Женька глянул на Сёму. «Рыжий» – Семен Лацкий – вытряс из вырванной у девчонки сумочки нехитрое содержимое. Выудил из кучи кошелек, лихорадочно открыл его и, подняв высоко над головой небольшую пачку денег, непрерывно орал: «Гуляем, Жека, гуляем!» При этом он топтал содержимое, пытаясь каблуком раздавить мелочь. Сначала хрустнул карандаш для подводки, потом сделал «пык» крем из тюбика и брызнул Рыжему на штанину. Наконец, ему удалось раздавить помаду, но он по-прежнему не прекращал свой дурацкий танец, пока под ноги не попал мобильник, который жалобно мяукнул под каблуком и замолк.

Увиденное привело Женьку в бешенство. Охватила неистовая бессмысленная злоба. Глаза налились кровью, мышцы под рубашкой превратились в железный комок и он дико заорал:

– Держите ей руки!

Крик был такой страшный, что они мгновенно бросились к девчонке. Сема справа, а Чек слева заломили ей руки и прижали к земле. Девчонка отчаянно завизжала. Оглушительный визг пронзил Женьке голову, и последняя возможность хоть что-то соображать пропала. Ещё минуту назад он понимал, что они делают плохо, что так нельзя, что так невозможно, а теперь превратился в комок злости и ярости и без всякой видимой причины стал сплошной ненавистью.

Он ненавидел всех. Ненавидел мать – за то, что у него не было отца, и ненавидел отчима за то, что тот бил и бил мать. Ненавидел учителей за замечания и отметки. Ненавидел одноклассников, продавцов, контролеров. Ненавидел двух этих слюнявых уродов, с которыми приходилось общаться, но больше всего Женька ненавидел эту упакованную сучку.

На девчонке была тоненькая ярко-алая курточка, и Женька считал, что за такую курточку его мать должна была «пахать» как минимум полгода на двух работах. Под курточкой – коротенькая майка, оставляющая неприкрытой белую соблазнительную полоску живота и, конечно же, на ней были фирменные джинсы и кроссовки. Все это, по мнению Женьки, стоило бешеные деньги, и носила эта тварь незаслуженно.

Девчонка визжала так, что могли услышать в коридоре, но на самой верхней ноте голос вдруг сорвался и пропал. Видно было, что девчонка по-прежнему визжит, но в подвале стояла тишина, слышен был только стук ее пяток о землю.

Женька наклонился над девчонкой и изо всех сил дернул джинсы за пояс. Ткань

выдержала. Девчонка подлетела вверх в его мощном броске и упала. Тогда он навалился на ее ноги, расстегнул пуговку на поясе и рванул джинсы вниз. Сила, с которой он тащил, была явно запредельной. Вместо того, чтобы сняться, джинсы стали выворачиваться наизнанку и оказались у него в руках полностью вывернутые.

На девчонке остались только детские, наполовину спущенные трусики. Их вид вызвал у Женьки такую острую и щемящую нежность, что он замер, но уже через секунду по его спине пронеслась судорога, как будто кто-то невидимый скрутил Женьку, круша и ломая его волю.

Ярость – бессмысленная первобытная ярость – захлестнула его с прежней силой. Он рванул резинку так, что разорвал трусики пополам. Выбросил первую и сорвал вторую половинку. Резинка до крови резанула девчонку. Она что-то беззвучно кричала, из глаз лились слезы, но в тусклом свете подвальной лампочки был виден только светлый треугольник от трусиков.

Рыжий, впервые увидевший так близко заветную мечту, невольно ослабил хватку и, девчонка, высвободив левую руку, постаралась закрыть наготу ладошкой.

Женька молча встал. Вся его ярость как будто бы сгруппировалась и сконцентрировалась. Он, чувствуя торжественность долгожданного момента, выпрямился и замер.

Девчонка перестала кричать, изо всех сил стиснула зубы и сжала колени.

Женька, стоя над ней, расстегнул ширинку и, злобно улыбаясь, выдавил:

– На, сучка, смотри! Вот, что ты сейчас получишь. –

Он радостно увидел, как округлились от ужаса ее глаза и...

В этот момент услышал еле различимый, мелодичный звон. Перед глазами мелькнули разноцветные звездочки и как будто кто-то нежно и ласково провел по его волосам рукой...

...Он лежал в своей детской кроватке. Мама ласково гладила его горячую голову и шептала: «Что ж ты, мой маленький. Тигренок, мой ненаглядный. Где ж ты так простыл?»

Женьке было очень плохо. От высокой температуры он бредил, стены комнаты нависали над ним и, падая, рассыпались, превращаясь в малюсеньких муравьев, которые залезали под одеяло, бегали по спине, по ногам и больно кусались. Когда муравьи разбегались, Женька на несколько минут забывался, но стены опять падали, и все повторялось.

Он кричал на муравьев, прогонял их, но это не помогало, и тогда он звал маму. Губы его потрескались, кровоточили, кричать было трудно, но когда приходила мама и ласково гладила по голове – стены не падали, муравьи не появлялись, и он засыпал.

«Сынок. Смотри, что я тебе принесла», – мама наклонилась, взяла что-то из-под кровати и перед ним возникла симпатичная беленькая мордочка котенка. Его тонюсенькие белые усики радостно топорщились, черные ушки вертелись во все стороны, а глазки светились желанием поиграть.

Мама поставила котенка на одеяло, и он немедленно припал на передние лапки, прижал ушки, поднял попку, завертел ею в разные стороны и бросился на Женькину руку. Подскочил, приподнялся на задние лапки и стал быстро стучать передними по руке. Затем отпрыгнул, напал снова и стал с упоением грызть большой Женькин палец.

Женька успокоено вздохнул. Его наполнила радость, любовь к маме, котенку и ко всему вокруг...

...Картинка детства постепенно растворилась, и он снова очутился в ужасном, грязном, полутемном подвале. Перед ним на земле лежала полуобнаженная девочка, пытаясь обеими руками сотворить себе подобие трусиков. Чек, вместо того, чтобы держать ее за руку, собирал коробку от торта. Он прихлопывал также торт по бокам, чтобы придать ему хоть какой-то приличный вид. Он завязывал коробку, но она разваливалась. Он, пряча от Жеки мокрое лицо, снова пытался, она снова разваливалась, но он снова и снова повторял безнадежные

попытки.

Рыжий, хлопая носом, ползал по земле, собирая в сумку разбросанные и раздавленные мелочи: карандаш, чудом уцелевшее зеркальце, студенческий билет. Нашел грязный платок и стал ногтями соскабливать с него грязь. Бросил в сумку глухо звякнувшие ключи и разломанный мобильник. Нащупал раздавленную в земле помаду и завыл. Пытаясь собрать разломанный футляр, но ничего не различая из-за хлынувших слез, аккуратно складывал кусочки в сумочку.

Женька чувствовал: произошло что-то странное и прежде всего с ним. Он не находил, не ощущал в себе ни злобы, ни ярости. Их не было. В то же время он прекрасно понимал, что может их воспроизвести и даже мысленно попробовал орать на ребят за то, что они отпустили руки. Мысленно получалось грозно и страшно, но злость, такая привычная вечная злость, обычно охватывающая всего Женьку, не появлялась. Он искал ее и не находил. Не было поддержки за спиной, не было звериной ярости. Не было и все тут!

Не понимая, что происходит, Женька опустил голову и увидел расстегнутую ширинку. Боль от невероятного стыда многотонным прессом сдавила и грудь, и горло, выдавливая слезы и не давая вздохнуть. Он кое-как застегнул брюки и опустился перед девочкой на колени.

Она лежала неподвижно, беззвучно и вроде бы безучастно. Руки были свободны, но она не двигалась, не дралась, не убегала. Женька вытащил из опилок джинсы. Стряхнул, вывернул и протянул: «Одевайся». Голос сорвался и захрипел.

Рядом валялись остатки трусиков, он сжал их в комок так, что хрустнули пальцы.

Девочка хотела надеть джинсы не вставая, но бандит сидел прямо перед ней, и поднять ногу, не открыв всю себя, она не могла, поэтому, прикрывшись джинсами, встала и на цыпочках отступила к стене. Стоя на одной ноге, попыталась попасть в штанину. Босыми ногами она ступала на старые кусочки бетона, опилки и прочий хлам, валявшийся здесь повсюду. Наступив на острую железку, потеряла от боли равновесие, но Женька подхватил ее и удерживал, пока она не застегнула джинсы. Его руки попали ей на грудь, но девочка не обращала внимания.

Пододвинув ногой смятые и вывалянные в пыли кроссовки, тихо сказал: «Прости». Помолчал и уже громче добавил: «Если кто тебя тронет, то...»

Он не успел договорить, потому что Чек с Рыжим вскочили и почти одновременно рывкнули: «...Да мы его разорвем на куски!» Это было смешно, потому что вместо этого прозвучало: «...Да бы его разорвеб да куски!» Но было не до смеха.

«Чек, открой дверь!» – властно прохрипел Женька, и тот пулей метнулся к двери. С трудом вытащив из-под ручки упертую в землю старую сломанную лыжу, он мгновенно вернулся.

Девочка, ускоряя ход, прошла мимо них, но все еще не веря избавлению, рывком помчалась к двери. Когда она добежала до проема, Сема крикнул: «Сумочка!»

Она остановилась: «Вернуться? А вдруг, опять! Но там же ключи, билет». Она медленно повернулась. Женька выхватил у Рыжего сумку и подошел к ней. Они стояли напротив друг друга, два недавних врага – бандит и жертва.

Женька протянул сумочку и некоторое время не отпускал, вглядываясь в девичье лицо.

У двери было светлее, и он впервые рассмотрел ее огромные разляпанные тушью глаза и губы в размазанной помаде. К щеке прилипли крошки опилок. Опилки были в волосах, на курточке, на майке. Женька, не отпуская сумочки, левой рукой аккуратно снял опилки со щеки и стряхнул с волос. Девочка не дернулась и не отстранилась. Она не понимала, что с ней происходит – она их прощала. А ведь стоило только намекнуть о случившемся папе, и завтра их тела нашли бы в сточной канаве или не нашли бы никогда. Тем более что главного она узнала бы из тысячи, она и раньше его видела, видимо, жил где-то рядом.

Но она сделала невозможное. Она их простила! Простила то, что не прощают. Объяснения этому не было.

Женька, перебив ее мысли, повторил вполголоса: «Прости нас», – но она ничего не ответила, тогда он отпустил сумочку.

Она пошла домой. Торты не было. Идти в магазин, а потом к подруге в таком виде?

Она зашла за угол дома, с трудом отыскала зеркальце и попыталась привести себя в порядок. Руки предательски дрожали, ровных движений не получалось, и она с досадой стерла весь макияж. Теперь она превратилась в пятнадцатилетнюю девчонку – студентку музыкального училища – Наташку Рудскую – обычно добрую и веселую подружку.

Женька долго смотрел ей вслед и не заметил, как сзади подошли Сашка с Семеном.

– Что это было? – спросил Сема. Чек пожал плечами.

– Я слышал какую-то музыку, – продолжал Семен, – а потом какие-то цветные брызги в глазах.

– У меня тоже, – подтвердил Сашка. Женька кивнул:

– И у меня.

Он неожиданно понял, что простил мать, ведь она же любила отца-подлеца; простил отчима – его же сократили, просто выгнали с работы; простил учителей – ведь он сам им мешал на уроках. Простил всех. Но в то же время понял, что, простив всех, не может простить себя.

Он – Женька Фирсов – лучший боец в классе, защищавший кошек, собак и малышей. До чего он дошел!

Боль от стыда снова охватила грудь, и тоска, дикая, смертельная тоска сдавила сердце.

Толя дочитал главу и нервно отодвинул книжку. «Уроды, – пробормотал он: – Ну и где здесь про меня? Дед говорил, что книжку написал обо мне, но в первой части речь была о какой-то врачихе, а во второй... – явно не про меня».

Ни в роли Жеки, ни в какой другой роли Толя себя не представлял.

«Конечно, не про меня!» – заключил он и вновь, было, взялся за книгу, но как-то незаметно для себя, отвлёкся, вспомнил рассказ Лукьяненко про рыцарей сорока островов и задумался...

Вот где он легко себя представлял. Тут он был то Крисом, то Димой, но чаще всего оставался собой, при этом лихо управлялся двумя мечами, кидал противников в ай-ки-до, в общем, успешно защищал остров.

Придумывал десятки способов, как объединить островитян и победить пришельцев, а потом всем вместе вернуться домой, на землю, и встретиться со своими двойниками. Но в голову лезли стандартные идеи сражения: то ракетами, то мощными лазерными пушками, скоростными катерами и подводными лодками, а то и вообще с волшебными палочками или магией, и тогда Толя обрывал себя и вновь возвращался к «реальности» на островах, где нет ни путёвого оружия, ни связи с пришельцами.

Зато финальная сцена романа – встреча с Вальком – повторялась регулярно и почти без изменений. Начиналось всё как в романе – Толя с Ингой сидели на лавочке, а кодла пацанов начинала их доставать, строя из себя крутых. Всё было как в книге: те же диалоги, те же придурки, но лишь до момента, когда Толя занёс над Вальком меч...

...«Не смей!» – проколол ночную тишину звенящий голос Инги, но было поздно. Толя уже отдал приказ, и сверкающий ненавистью меч помчался вниз.

Десятки, сотни боёв и тренировок сделали из Толи не просто великолепного воина, а послушную и точно работающую машину. Стоило ему мысленно отдать приказ, и руки молниеносно, но уже сами по себе, наносили смертельные удары, выполняя сложнейшие финты, а Толя в это время получал возможность оценить обстановку, принять новое решение и отдать следующий приказ. Именно такой бесценный опыт позволил ему мгновенно среагировать на окрик Инги и в последний момент лишь чуть-чуть изменить направление удара.

Меч молнией сверкнул мимо Валька, вошёл в асфальт и, двигаясь под землёй по кругу, вынырнул под скамейкой, прошёл сквозь неё, не заметив, и вернулся в исходную точку –

высоко над Толиной головой. Правда Толя в этот момент уже стоял спиной к Вальку. Сила, с которой он рубил врага, развернула его почти на 180 градусов.

Старинная, изящно выгнутая скамейка, покоящаяся на трёх массивных чугунных подлокотниках-ножках, встретила удар меча несерьёзным: «Пррр-ых», – и левая опора глухо бухнулась на асфальт, растопырив к небу десяток деревянных обрубков. Вторая половина скамейки даже не шелохнулась.

Меч, несколько секунд назад сверкавший ядовитой синевой, на глазах окрашивался в теплые деревянные тона. Толя автоматически бросил его в ножны и тяжело выдохнул.

Наступила тишина, но где-то глубоко в груди сначала еле слышно, а потом всё громче и громче звенел голос: «Я так больше не хочу... Не хочу-у». И когда внутренний голос перешел на крик, Толины губы синхронно с ним прошелестели: «Я так больше не хочу». Внезапно он присел, сжался, как неимоверно сдавленная пружина, и с диким надрывом заорал: «Не-е-т!» Из глаз брызнули слёзы и серебристыми дорожками потекли по щекам.

«Толя!» – метнулась к нему Инга. «Всё хорошо, Толя... Всё хорошо... Не плачь... – быстро повторяла она, глядя его по голове, и тихонько поцеловала в маковку. – Не плачь, ты же сильный».

Толя дернулся и медленно стал выпрямляться. Теперь Инга целовала его в лоб, потом в мокрые щеки, размазывая губами слезы, наконец, когда он полностью выпрямился, ткнулась носом ему в грудь, зарываясь в ворот рубашки.

«Я так больше не хочу, – прошептал он ей в ухо. – Я не хочу больше злиться, ненавидеть и убивать... Не хочу, чтобы меч становился злым, стальным, смертельным... Не хочу...».

Они долго стояли, обнявшись, потом Толя легонько отстранил её и огляделся.

Скамейка топорщилась вбок ровными обрубками, жёлтый фонарь освещал небольшой полукруг, на краю которого, поджав ноги, прямо посреди лужи сидел Валёк. Его распухшие губы тряслись, а в глазах всё ещё гулял ужас. Он тщетно сучил ногами, пытаясь встать, но они не слушались.

Толя отвернулся, крепко стиснул Ингу за руку, и они пошли прочь.

Перевернувшись на колени, Валёк всё же встал, выпрямился и медленно побрёл вдоль узкой канавки в асфальте, оставленной мечом. Подошёл к разрубленной скамейке. Постоял, бессмысленно разглядывая её останки, поднял с земли блеснувший предмет и обалдел... Это был огрызок цепи – остаток бывшего мощного оружия Валька. Цепь как будто была разрублена, и в том месте, где её разрубили, была словно отполирована. Срез блестел как зеркало. А ведь этого просто не могло быть. Валёк аккуратно присел на остаток скамейки и стал внимательно разглядывать срез, осторожно касаясь пальцами его чистой, холодной, серебристой поверхности...

Толя очнулся. В сотый, а может, и в двухсотый раз он мысленно проигрывал этот финал, каждый раз что-то меняя или добавляя, но суть от этого не менялась – рыцарем сорока островов, уходящим с Ингой, всегда оставался он. Иногда, конечно, он фантазировал до встречи с самим собой и прежней Ингой, но осязаемого, приятного, законченного финала при этом не наступало, всё оставалось неясным и незавершённым...

Он пододвинул книгу и стал читать дальше.

Третья встреча

«Ну-ка, спи!» – грозно прошептала Нина Аркадьевна – воспитательница старшей группы детского сада No 33. Толька быстро спрятал что-то под подушку и закрыл глаза.

«Давай сюда!» – она протянула руку, – быстро. Быстро!»

Толька нехотя вытащил «гонку» и отдал воспитательнице. Маленькую машинку, которая возила его, куда он захочет,

пришлось отдать.

«Все! Как теперь жить? – думал он. – Все спят. Колька дрыхнет. Ленка – соседка, высунув ногу из-под одеяла, сопит. Нет в жизни счастья», – закончил он свою горькую думу и размечтался...

...Детский сад уплывал, а Толька поднимался высоко-высоко. Он летел над садом, городом, пролетал над своим домом. Заглянуть домой и посмотреть, что делают мама и папа не удавалось, зато он свободно парил, кувыркался, падал и вновь поднимался ввысь. Себя он не видел, но это нисколько не мешало.

Он и раньше летал во сне: поднимался на горку и, разгоняясь, огромными шагами бежал, а набрав нужную скорость, подпрыгивал и, энергично отталкиваясь руками и ногами, пытался преодолеть невидимый барьер, выше которого уже не падал, а летел вверх. Зато поднявшись ввысь, летал столько, сколько хотел, лишь легкими движениями рук изменяя направление полета и скорость. Мама радовалась: «Летаешь, – значит растешь».

На этот раз все было иначе: во-первых, Толя сразу взлетел, без всякого разгона, во-вторых, направление и скорость менял простым усилием воли, а в-третьих – не успел разогнаться, как кто-то рядом спросил: «Ты кто?» Толя от неожиданности затормозил и обернулся.

– Я Толя, – продолжая вертеть головой, ответил он.

Вокруг никого не оказалось, а голос продолжал:

– А я Настя. Давай дружить.

– Давай, – обрадовался он.

Поначалу Толе мешала Настина «невидимость», но скоро он привык и с воодушевлением рассказывал ей про свои любимые автомобили. Подробно описал достоинства главной «гонки»: скорость, колеса, ручки, насос. Настя внимательно слушала, и когда он ей предложил в следующий раз покататься вместе, радостно согласилась. А Настя рассказала о своих друзьях и обещала Толю с ними познакомиться.

Целый час они непрерывно болтали и хохотали, а проснувшись, Толя помнил все. Приятное ощущение полета и знакомства не покидали его до самого маминого прихода, и первое, что он ей крикнул: «Мама, я с Настей познакомился!»

Весь вечер он пытал маму с папой про Настю. Подробно рассказал, как они с Настей встретились, как летали, как смеялись и разговаривали, но родители только улыбались в ответ.

«Никакого проку от вас», – решил Толя и твердо намерился назавтра узнать о Насте побольше.

На следующий день после обеда он улегся первым. Нина Аркадьевна с удивлением наблюдала за ним, но делать выводы не спешила. И правильно. Толя не засыпал. Он крутился, вертелся, скатывался с матраца, прятал голову то под одеяло, то под подушку. Нина Аркадьевна не знала, что все свои маленькие силы Толя бросил как раз на то, чтобы уснуть! Увы, специально уснуть не удавалось.

Повторения чудесного сна не произошло. Горе горькое обуюло Толю. Он со слезами теребил маму, но та не понимала, чего он хочет, успокаивала, вытирала слезы, а слезы капали и капали.

Прошел месяц, и когда он уже стал забывать Настю – сон повторился.

Толя, как обычно, не мог уснуть. Воспитательница, как всегда, пригрозила: «Спать!» А он, разумеется, спать не собирался, но, закрыв глаза, почувствовал, что улетает и через мгновение услышал: «Здравствуй Толя!»

«Настя! – обрадовался он, – я забыл гонку, подожди я сбегаю» », – крикнул он и... проснулся.

На этот раз горе стало невыносимым. Заснуть больше не удалось. Слезы катились ручьем. Подушка намочла. Нина Аркадьевна не могла понять, что происходит, и позвонила маме на работу. Мама, запыхавшись, влетела и схватила ревущего сына на руки: «Что? Что случилось?»

Но Толя непрерывно выл: «Настя-я-я». В конце концов, получил по заднице, и в кое-как напяленных колготках его повели домой.

Теперь дневной сон вырос в целую проблему. Каждый раз Толя пытался уснуть и, разумеется, чем больше он старался, тем меньше получалось. Пришлось обратиться к врачу. Толе прописали: валериану, больше гулять, меньше смотреть телевизор, побольше того, поменьше другого, но проблема оставалась – Настя не появлялась. Больше трех месяцев прошло прежде, чем Толя полетел вновь.

– Здравствуй, Толя! – услышал он долгожданный голос.

– Настя! – закричал, было, он, но вовремя спохватился.

Оказывается, и во сне он помнил о том, что от своего крика может проснуться, а тогда Настя исчезнет.

– Настя! – прошептал он, – здравствуй!

Это был второй незабываемый день. Настя учила его спать не засыпая. «Нужно просто лежать и мечтать вверх, – объяснила она, – не старайся уснуть. Вспомни что-нибудь хорошее, представь себе, что ты уже летишь или плывешь и, самое главное, не старайся увидеть меня или брать с собой «гонку», и тогда мы встретимся.»

«Мечтать вверх!» Это странное выражение Толя понял мгновенно. Ведь так просто: мечтать вверх! Как он раньше до этого не додумался? А вот просьба Насти «не стараться увидеть ее» была почти невыполнима. Как это так: «Не видеть!»

Это было невозможно, и он как бы невзначай спросил:

– Ты в какой садик ходишь?

– Я живу не в твоём городе. Мы с тобой на земле никогда не встретимся.

Это был удар. Толя сник и переживал до тех пор, пока не научился в сончас «не засыпать», и тогда они с Настей снова летали, болтали и хохотали.

Потом наступило лето. Он с братом, дедушкой и бабушкой уехал на юг. В сентябре началась школа. Толя все реже вспоминал Настю, а когда в классе заметил Таню, то Настя и вовсе стерлась из памяти.

Прошло шесть лет.

Пятый класс закончился. Толя почти отличником перешел в шестой класс, а в музыкалке – в последний, в седьмой. Дел было по горло. Днём он теперь не спал – считал себя взрослым. От спортивной секции, школы, музыкалки и брата к вечеру так уставал, что было не до полетов.

Если он что и помнил из теперешних снов, то лишь какие-то обрывки: джинов, волшебников, Гарри Потера с волшебной палочкой и прочую ерунду, а Настиных снов, где Толя летал и многому учился, теперь, увы, не было.

Сегодняшний день у Анатолия складывался неудачно: он забыл дома дневник, оставил ноты в музыкалке, опоздал в секцию и вообще, так устал, что сразу после школы свалился прямо в одежде на диван и уснул. И снился ему дурацкий сон: будто он снова в детском саду. Идет сончас, и он опять не спит...

...«Ну-ка, спи!» – грозно прошептала Нина Аркадьевна. Он, как всегда, сделал вид, что спит. Соседка, высунув ногу, громко сопела. Колька дрых, а Толька, чуть приоткрыв глаза, глядел в потолок и мучился. Делать было нечего, и уже двадцать минут он бессмысленно

пялился на лампочку.

Вдруг сверху, прямо из потолка на него стало опускаться золотисто-белое облачко. Толя хоть и не труслив, но испугался. Облачко закрыло весь потолок и угрожающе ширилось.

Он готов был уже звать на помощь, но облако, приближаясь, стало вовсе не облаком, а серебристым снегом. «Ну, это не страшно, – обрадовался Толя и стал ждать, когда снег упадет, но тот опускался очень медленно, – а, может это вовсе и не снег? Откуда снегу взяться в группе!» – решил Толя.

Плавно, нежно, бережно облако коснулось Толи, и зазвучала музыка. Необыкновенная музыка. Хотя, кто знает, раз это не облако и не снег, может, это и не музыка вовсе, музыку-то Толя слышал и на плеере, и по телеку. Нет, это было что-то совсем другое – прекрасное и счастливое.

Толя закрыл глаза и стал слушать. Музыка обнимала его и радовала, тысячи тысяч разноцветных огоньков загорались и, медленно растворяясь, исчезали в никуда, а вместо них возникали новые. Они менялись местами, кружились, искрились и... Просто не было слов, чтобы рассказать маме, какую прекрасную музыку он слушал и какие картины видел.

«Видел?» – вдруг резко остановил себя Толя и открыл глаза. Вокруг по-прежнему было «снежное» облако и Толя побыстрее зажмурился, чтобы вновь окунуться в этот удивительный музыкальный калейдоскоп. «Значит не видел, а тогда что? Слышал, что ли? – подначил себя Толя. И тут же сам себе ответил, – музыку слушают, кино смотрят, но с открытыми глазами. А это что? Сон? Но во сне же не открывают глаза, чтобы спросить сон это или нет, значит – это не сон!»

Такие запутанные рассуждения естественно привели к вопросу: «А может быть, я не только не вижу, но и не слышу?» И Толя тут же заткнул уши. Музыка, разумеется, продолжалась. «Значит, музыка во мне?» – удивился он и задумался. Воспитательница немедленно отреагировала на его шевеления и в очередной раз прошипела: «Толя! Ну-ка, руки под щеку и спать!» Толя замер.

К тому времени музыка затихла, облако и картинки исчезли, а Толя неожиданно начал расти. Нет! Он не вырос больше кровати или комнаты. Он был таким же маленьким, но одновременно становился огромным. С каждой секундой он рос. Еще минуту назад он сжимал в кулаке только любимую гонку – теперь обнимал весь свой садик. А еще через пару минут он уже обнимал весь город и продолжал расти, пока в его объятиях не очутилась вся Земля, после чего он растворился в бесконечности.

Но не только рост принесло ему облако – он почувствовал в себе необычайную силу, как у колдуна или волшебника. Он был уверен, что стоит ему только захотеть, и он сможет все: наподдать, наконец, этому Жорке, который дразнит его косым, покататься за рулем снегоуборочной машины, сходить с папой в зоопарк. Да много еще чего можно было сделать, но кто-то настойчиво его звал и мешал:

– Толя... Толя! – Толя сосредоточился и увидел... Нет, так просто не объяснить. Ему показалось, что он увидел живой апельсин. Он тут же открыл глаза – апельсин остался. Он снова закрыл и снова открыл – апельсин не исчезал, а висел прямо перед его носом. Толя протянул руку, но она ушла в апельсин. Апельсин вроде бы был, но его вроде бы и не было!

– Это я, Настя. Ты меня не узнаешь? – Толя съежился. С ним разговаривал апельсин. Он осмотрелся: кровать на месте. Соседка спит. Нина Аркадьевна сидит за столом. Облака нет. В комнате тишина. Он снова зажмурился.

– Это ты говоришь? – шепотом обратился он к апельсину.

– Я, я. Это я, Настя. Ты, что, забыл меня? – Толя снова открыл глаза – вокруг все без изменений, снова закрыл – апельсин рядом, и тогда он начал рассматривать его подробнее.

Нет, конечно, это был не апельсин, но и не мячик. Он был похож на пушистый шарик на Танькиной шапке, только тот был белый, а этот большой оранжевый. А может, и не оранжевый.

Толик сравнивал приходящие в голову предметы и игрушки, но подобрать нужный цвет не мог. Апельсин был как живой, и цвет его непрерывно менялся от ярко-золотого, как

на церковном куполе, до ярко-оранжевого. «Но если это не апельсин, – рассудил Толя, – значит это Настя?»

– Настя, это ты? – неуверенно спросил Толя.

– Да, я! Сколько можно повторять.

Толя уже ничего не соображал. Он только сейчас понял, что сравнил апельсин с шариком на Танькиной шапке. Какой Таньки? На какой шапке? Он Толя – ученик пятого, нет, шестого класса или выпускник старшей группы детского сада № 33. Что за чушь. Как это может быть – шестого класса в старшей группе?

– Толя! Не волнуйся! Все в порядке! – успокоила Настя и скороговоркой выпалила, – нас всего пятеро и мы очень ждали тебя, потому что надо шесть. Без тебя мы не сможем. Опасность большая. На солнце будет взрыв. Нас мало. Ты пришел вовремя. Нужно торопиться. Давай быстрее.

У Толи в голове начался полный сумбур: «Гонку брать?» – спросил он, тут же понял, какой бред сморозил, и добавил, – Настя, объясни толком, что случилось?»

– Некогда объяснять – протараторила она, – обними меня и все поймешь.

Толя «обнял» апельсин и узнал: как завивать челку; как лучше всего накладывать лак на ногти, чтобы получились красивые сверкающие цветочки; как варить суп; жарить картошку, а главное – как накрасить глаза и удлинить ресницы, чтобы все мальчишки не отрывали от тебя глаз.

«Бр-р-р», – мотнул головой Толя, но неожиданно среди этой ерунды выбрал самое главное: невероятную тревогу Насти за Землю. Времени оставалось чуть-чуть. Огромный солнечный протуберанец почти со световой скоростью мчался к земле. Его сила была такова, что он непременно прорвет защиту и убьет всех, и Настя боялась не успеть. А еще Толя понял, что защитить Землю могут только они, но для этого нужно срочно подняться вверх и всем взяться за руки, замкнув круг.

Толя даже не ухмыльнулся, пытаясь себе представить, как апельсины встанут в круг и возьмутся за руки. Слишком уж сильная тревога исходила от Насти.

– Летим! – твердо сказал он, и они взмыли вверх.

Неожиданно он увидел Настю. Она оказалась симпатичной девчонкой, очень похожей на школьную Таньку, а через мгновение увидел и остальных. Разглядывать времени не было. Не теряя ни секунды, все шестеро, взявшись за руки, растянулись в круг и, расширяясь, стали закрывать Землю своими телами.

Толя по привычке собрал всю свою волю. Это он умел. В любых соревнованиях стремился быть первым и часто побеждал. Воля к победе помогала ему всегда. Вот и теперь он был готов встретить любой удар.

Честно говоря, он все еще не понимал важности происходящего. Конечно, он верил Насте, крепко сжимал ее ладошку с блестящими цветочками, но все это казалось ему игрой, похожей или на сказку, или на сон. Да и понять, кто он такой: то ли Толик в детском саду, то ли Анатолий – шестиклассник, он не мог: «Просто бред какой-то!»

Несмотря на то, что Толя успел сконцентрироваться, первый удар налетел неожиданно. Им удалось отразить его, но он был такой силы, что руки расцепились и защитники, кувыркаясь, разлетелись в разные стороны.

Теперь стало ясно, с чем придется бороться. Приближающаяся вторая волна напоминала огромный рыжий хвост, который почему-то летел боком.

Быстро сгруппировавшись, защитники вновь приготовились отразить удар. Толя попытался снова собрать волю в кулак в надежде, что сил хватит, но первый удар был настолько силен, что сил не осталось. «Неужели конец? Неужели сдадимся?»

Толя лихорадочно попытался вспомнить, как облако наполняло его силой, и хотел вновь ощутить это. Он напрягал мышцы, задерживал дыхание, надувал живот, но ничего не помогало. Сила не приходила. Увы, финал приближался.

Толя вспомнил маму, папу, брата, любимую теплую бабушку, веселого кота Бурана. Он их всех любил, но, как и положено в этом возрасте, любовь показывать стеснялся.

«Что же будет? Если мы не устоим, не победим, то все умрут?» – осознал он. Ком застрял в горле, но слез не было. Слезы он прятал. Они появлялись только от обиды и от несправедливости. Правда, когда Пашка, брат, разбил себе лоб и нос и нужно было бежать в больницу зашивать раны, Толя отчаянно испугался. Ему было жаль брата. Любовь к Пашке где-то глубоко в нем тихонечко шевелилась, но Толя ее не выпускал – стеснялся.

Теперь же, вспомнив о маме, он растревожил глубоко запрятанную любовь, и когда она «зашевелилась», Толик с изумлением почувствовал, как огромная сила, которую давало облако, возвращается. И чем больше он разрешал спрятанной любви «вылезать и шевелиться», тем больше силы возвращала она ему, наполняя уверенностью в победе.

И вовремя! Второй удар был раз в двадцать сильнее первого. Трещали суставы, кости и мышцы. Страшная сила разрывала голову и тело на части. От боли и напряжения из носа текла кровь, но защитники в этот раз выдержали. Кольцо рук не разомкнулось. Но оставался еще один натиск – последний.

Грозя уничтожить все живое, огненный вихрь с каждой секундой приближался. Становясь все больше и больше, он заполнял оранжевыми всполохами все небо и закрывал даже солнце. Но теперь он был не страшен. Толя понял главное – облако его не бросило, оно с ним, оно его любит, оно дает ему силу.

Он плюнул на стыд и «освободил» всю свою любовь, которая немедленно захватила его, закружила, подняла, наполнила счастьем и радостью. И как только это случилось, огненный вихрь налетел, но было уже поздно. Теперь Толе были не страшны никакие «огненные хвосты». Любовь, которой он «разрешил» жить, вместе с любовью облака родили в нем такую силу, что в мире не осталось ничего, что могло бы их победить. Ни джины, ни волшебные палочки, ни заклинания, ни даже сам Мерлин – не могли противостоять такой мощи.

Толя почти не почувствовал удара. «Рыжий хвост» разбился и, разлетевшись в прах, исчез в космосе.

Они справились. Настя от боли потеряла сознание, но Толина любовь, наполнявшая все вокруг, оживила бы даже камни. Настины ресницы задрожали, глаза открылись, она глубоко вздохнула, мгновенно поняла, что они победили, и закружилась в победном вихре. Радость и ликование наполнили сердца шестерых.

– Ура! Победа! – заорал Толя, – Я победил! – но тут же поправился, – мы победили! Ура-а-а!

Кто-то мешал ему: непрерывно толкал, пихал и кричал:

– Толя! Толя! Что случилось? Проснись!

Толя открыл глаза. У кровати стояла Нина Аркадьевна и озабоченно смотрела на него.

– Облако нас любит, мы победили, – прошептал Толя и ткнулся в подушку...

...Из тяжелого неурочного сна шестиклассник Анатолий возвращался с трудом. Мыслей не было, желаний тоже.

Он сел, автоматически отметил кровь на диванной подушке: «Видно из носа. Переутомился», – решил он.

Попытался встать. Ноги и руки отчаянно болели. Сегодня был тот редкий день, когда Толя опоздал в секцию, и тренер заставил его пятьдесят раз отжиматься, а потом столько же раз приседать. Ноги не слушались, тело болело, но Толя все-таки встал и заковылял в ванную комнату смывать кровь.

Открыл кран и тупо смотрел в зеркало, пытаясь увидеть на щеках будущую бороду. Дождавшись воды потеплей, сложил ладони ковшиком и... На правой ладони что-то ярко вспыхнуло. Рассмотреть не удалось, и он пошел к большому окну на кухне. Здесь было гораздо светлее.

Толя внимательно осмотрел ладонь. Прямо в ее центр впечатался лаковый, переливающийся разноцветными огоньками цветочек. Толя от неожиданности замер. Такие цветочки были только у Насти на ногтях.

Минувшие картины вихрем пронесли в голове: «Кровь, боль, огонь! Так, значит, все это было? На самом деле?»

Он все еще не верил, но цветочек-то был на ладони. Несколько секунд Толя приходил в себя, затем радостно подпрыгнул и заорал со всей мочи: «Ура-а-а!»

Перепуганный кот сорвался с любимого места над батареей и, дико бухая, рванул в другую комнату.

Только, ошалевший от счастья, прошептал: «Мы победили! Я, Настя, Мы, Облако, победили!» – и бесконечная любовь наполнила его сердце.

Эпилог

– Отец, почему я?

– Потому что ты мой сын.

– Почему именно я, Отец?

– Потому что ты рожден в Великой Любви,
а Земля утопает в грехе!

– Но почему только я?

– Я ВСЕГДА с тобой, Сын мой!

Сергей Павлович Подзолков
Дитя Любви
Корр. Т. Романова. Н. Подзолкова
Коллаж С. Подзолков
компьютерная обработка обложки Н.С. Подзолков,
оригинал-макет выполнен в InDesign CS3, Triptih4.
Подготовлено к печати 17.02.2009
Гарнитура «Times»
Формат 60*84/16
Усл. печ. л. 2
Заказ
2-е издание
Тираж 1 экз.
СамИздат»
г. Озерск.
2011 г.